

А. С. Ходнев

Великая война 1914–1918 гг. и социокультурный хронотоп появления Лиги Наций

В статье исследуются проблемы изменений в социокультурном восприятии времени и пространства, вызванных Первой мировой войной. Показано влияние хронотопа, возникшего в начале Великой войны, на появление первой универсальной международной организации – Лиги Наций. События Великой войны в корне изменили мир. Международная безопасность, проблемы которой редко обсуждались до этого, стала на долгие десятилетия XX в. весьма близкой и актуальной темой. Великобритания сумела сохранить больше гражданских свобод, чем другие воюющие страны, возможно, поэтому пацифистское движение, составившее существенную долю хронотопа Первой мировой войны, в Англии могло развиваться в более благоприятных условиях, чем в других странах Европы. Первая мировая война смогла изменить пацифистское движение. До войны, в основном, был известен религиозный пацифизм, представленный многочисленными обществами, часто далекими от политики. Во время Первой мировой войны сформировался новый пацифизм, утверждавший, что войну необходимо рассматривать как «последнее средство», и активно вторгавшийся в политику. С 1915 г. различные группы английских интеллектуалов, опирающиеся на идеи нового политического пацифизма, начали пропаганду идеи создания международной организации. Время-пространство изменилось, в сознании общественности укрепились идеи взаимозависимости стран мира и необходимости построить послевоенный мировой порядок на принципах коллективной безопасности.

Ключевые слова: Великая война, Первая мировая война, хронотоп, Лига Наций, баланс сил, коллективная безопасность.

A. S. Khodnev

The Great War of 1914–1918 and the emergence of a social and cultural chronotope of the League of Nations

In the article problems of changes in sociocultural perception of time and space, caused by the World War I are investigated. Influence of the chronotope, appeared in the beginning of the Great War, on emergence of the first universal international organization – the League of Nations is shown. Events of the Great War changed the world in a radical way. The international security, these problems were seldom discussed before, became a close and urgent topic during many decades of the XX century. Great Britain managed to save more civil liberties, than other belligerent countries, and probably that is why the pacifist movement which was a considerable part of the chronotope of the World War I, in England could develop in more favourable conditions than in other countries of Europe. The World War I could change the pacifist movement. Before the war the religious pacifism presented by numerous societies, often far from policy was generally known. During the World War I a new pacifism was formed, it claimed that the war should be considered as "a last means", and it actively interfered into the policy. Since 1915 various groups of the English intellectuals relying on ideas of new political pacifism, began propaganda of the idea to create the international organization. Time-space changed, in consciousness of the public ideas of interdependence of the countries of the world and need to make the post-war world order on the principles of the collective security became stronger.

Keywords: The Great War, the First World War, chronotope, the League of Nations, balance of power, collective security.

Развивая концепцию хронотопа (*время-пространство*) М. М. Бахтина [1], А. Я. Гуревич подчеркивал методологическую значимость этого термина для истории [3, с. 43]. Пространственно-временное единство в истории часто заключается в том, что в отдельных случаях-кейсах происходит достаточно быстрое «уплотнение» и изменение пространства, сопровождаемое нарушениями хода обычного человеческого времени, точнее, как люди ощущали время. Иными словами «происходит коренное преобразование мира людей» [4, с. 147]. В результате обыватели вне-

запно чувствуют себя как бы в ином пространственно-временном уровне. Точно такое восприятие меняющегося времени-пространства испытывали люди сто лет назад, когда началась Великая война (Первая мировая).

События Великой войны в корне изменили мир. Международная безопасность, о которой до этого люди редко задумывались в повседневной жизни, стала на долгие десятилетия XX в. весьма близкой и обсуждаемой проблемой.

Кровопролитные сражения Первой мировой войны, произошедшие в Европе, словно предска-

зывавшие: «Прекрасная эпоха (*Belle Epoque*) закончилась навсегда!», заставили уже в 1915 г. многих политиков задуматься о новой конфигурации международных отношений и инструментах внешней политики, которые могли бы послужить гарантией от повторения трагических событий. Необходимо было как-то откликнуться на набравший с конца 1914 г. силу в общественном мнении лозунг «Война, чтобы покончить со всякой войной» и провозгласить перспективу нового мирового порядка, в котором были бы заложены серьезные преграды повторения военной катастрофы в Европе.

Один из популярных и обсуждаемых путей, который предлагали, – ввести в систему международных отношений принцип коллективной безопасности, дававший некие гарантии всем государствам от нападения агрессора и, следовательно, препятствовавший развязыванию нового крупного конфликта. Много идей высказывалось в связи с активизацией международного суда по урегулированию различных споров между государствами. В общественном мнении укоренилась точка зрения о том, что снижение уровня вооружений также может помочь сохранить прочный мир в Европе и мире. Все эти разнородные и, порой, противоречившие друг другу принципы предлагалось реализовать в контексте деятельности международной организации – Лиги Наций (ЛН), создание которой представлялось некоторым политикам как необходимое средство укрепления империй, а другим как панацея от агрессии и нового военного катаклизма.

Действительно, идеи создания международной организации, прообраза Лиги Наций, упрочились и по другим причинам. Война сильно разрушила экономику и культуру Европы. Лишь немногие страны сумели избежать ее влияния, а для подавляющего большинства европейских государств восстановление экономики стало главной задачей после войны, причем состояние европейской экономики в 1918 г., как считают историки, не воспринималось многими политическими деятелями как переход в новое качество. Еще в ходе войны строились планы восстановления экономики, основанной на возвращении к правилам и процедурам довоенного времени, хотя это в действительности уже не было возможно [9, р. 18]. Само существование Европы как экономического и культурного центра мира, задававшего скорость технического и цивилизационного прогресса, было поставлено под вопрос. Некоторые политики видели выход из экономи-

ческой разрухи в продолжении международного сотрудничества, сложившегося еще в годы войны. Идея создания Лиги Наций становилась привлекательной, помимо решения главной политической задачи – сохранения мира, еще и потому, что необходимо было ввести новые правила регулирования экономического сотрудничества государств после войны.

Практически все страны, реально участвовавшие в войне, за исключением США и Японии, столкнулись со сходными по характеру проблемами, но их решение зависело в каждом случае от политических традиций и конкретных обстоятельств.

Великобритания сумела сохранить больше гражданских свобод, чем другие воюющие страны, возможно, поэтому пацифистское движение в Англии могло развиваться в более благоприятных условиях, чем в других странах Европы. Однако известно, что в политической культуре Великобритании был сильно укоренен консерватизм, который требовал, чтобы защита короны, страны и империи оставалась священной патриотической обязанностью. Поэтому доминантной чертой идеологии международных отношений было оборончество.

В Великобритании всеобщая воинская повинность была введена в 1916 г., и вскоре армия насчитывала 5,2 миллиона человек [14, р. 222]. У британских граждан (как тех, кто сражался, так и тех, кто работал в тылу) появился совершенно новый опыт. Многие из них впервые узнали действительную цену войны: британская армия сражалась в трудных условиях на европейском континенте впервые со времени Крымской войны. К тому же появилась авиация, а вместе с ней угроза бомбежек городов Великобритании. Хотя количество жертв этих первых воздушных налетов было невелико, психологический шок, испытанный населением, был довольно значительным. Известны потери англичан в годы Первой мировой войны: около 700.000 солдат и гражданских лиц [14, р. 223].

По мнению английского историка М. Кидела, последствия этих событий сказались на росте антивоенных настроений в Великобритании во время и после войны. Несмотря на то, что всеобщую воинскую повинность отменили в 1919 г., Британия не смогла вернуться к довоенному полуизоляциизму. Благодаря развитию военной авиации Британские острова оказались открытыми для атаки с европейского континента. К тому же она была вовлечена в территориальные

урегулирования в Европе, на Ближнем Востоке, в Африке [14, p. 223].

Война изменила движение за мир в Великобритании. Давно существовавшие пацифистские общества, первое из которых было образовано в 1816 г., стали уступать место нескольким новым организациям и движениям. Два новых общества, созданные в конце 1914 г., можно было назвать пацифистскими в строгом понимании этого слова: они решительно выступали против любого применения военной силы. Одно из них называлось «Товариществом против всеобщей воинской обязанности» и состояло из членов Независимой лейбористской партии. Другая организация именовалась «Братством примирения».

Существование небольшой, но решительно настроенной группы пацифистов подтверждается отказом от службы в английской армии 16 500 призывников. И хотя это составило лишь 0,33 % от всех призывников и добровольцев, они, по оценке М. Кидела, «оказали гораздо большее влияние в сравнении с их количеством» [14, p. 223].

Поскольку женщины не подлежали призыву на действительную военную службу и не могли быть обвинены в пораженческих настроениях, у них была возможность более свободно протестовать против войны. Наиболее известным событием Первой мировой войны из этого ряда был Международный конгресс женщин в Гааге, собравшийся в апреле 1915 г. На конгрессе лидеры суфражистского движения Европы (в основном были представлены нейтральные страны и Великобритания) и США договорились о создании постоянной организации. «Международная лига женщин» (МЛЖ) была образована в октябре 1915 г.

Первая мировая война изменила пацифистское движение. До Первой мировой войны, в основном, был известен религиозный пацифизм, представленный многочисленными обществами, часто далекими от политики, а Пацифистские идеи высказывали также известные деятели культуры, философы: В. Гюго, Э. Золя, Л. Н. Толстой и др.

Затяжной глобальный конфликт, начавшийся в 1914 г., обострил многие проблемы. Старые формы пацифизма не могли противостоять наступлению насилия в таких масштабах. Во время Первой мировой войны сформировался новый пацифизм – *пацифицизм*. Определение *пацифицизма* было предложено в работе английского историка Марина Кидела [10, p. 3–6]. *Пацифицизм* – морально-этическая оппозиция войне и

насилию, за исключением отдельных случаев, когда применение вооруженной силы признается абсолютно необходимым для защиты мира. Доктрина пацифицизма утверждает, что войну необходимо рассматривать как «последнее средство», при этом отрицается всякая агрессия и милитаризм. Пацифистские движения, часто массовые, объединявшие представителей самых разных социальных слоев и групп, активно вторгались в политику, лоббируя, защищая идеалы мира и создания универсальной международной организации. Этим они также отличались от старых пацифистских организаций.

В 1915 г. группа английских интеллектуалов создала «Общество Лиги Наций», активно начавшее пропаганду идеи создания международной организации. Позднее была образована связанная с правительственными кругами «Ассоциация Лиги свободных наций». Ближе к концу войны обе названные выше организации слились в октябре 1918 г. в одну – «Союз Лиги Наций» [14, p. 223–224]. Последняя организация, несмотря на то, что объединила многих известных британских общественных деятелей, имела все черты проправительственной пацифистской *кванго*.

Другая весьма влиятельная группа британских интеллектуалов, фабианские социалисты, в 1915 г. предпринимает исследование по проблеме создания международной организации поддержания мира. С. Уэбб предложил Л. Вулфу написать научный трактат по этому вопросу [8, с. 85–86].

Аналогичные по характеру события происходили во время войны и в других странах. Группы интеллектуалов живо обсуждали возрастающие антивоенные настроения в обществе, а также проблемы будущего установления мира. Иногда условия военной цензуры не позволяли открытые дискуссии на антивоенные темы. В этом случае писатели, журналисты и философы покидали свою страну и переезжали в нейтральное государство. Наиболее желанным местом убежища для тех, кто по разным причинам старался скрыться от войны, была, конечно, Швейцария. В Цюрихе поселился во время войны лидер исмаилитов из Индии Ага Хан. Он в начале войны и поддерживал британское правительство и даже вызвался служить в армии в любом чине. В будущем Ага Хан – неперемный член многих индийских делегаций в Лиге Наций. В кафе Женевы эмигранты-революционеры, среди которых был В. И. Ленин, могли встретить «революционеров» иного рода, как например, ирландского

писателя Джеймса Джойса, автора знаменитого «Улисса». Дж. Джойс подружился в Швейцарии с немцем, выходцем из Лотарингии, И. Голлом, который написал «Реквием о падении Европы в 1917» – самое знаменитое антивоенное произведение на немецком языке. И. Голл водил дружбу с Р. Ролланом и С. Цвейгом, которые также переехали в Швейцарию из-за своих антивоенных взглядов. Немецкий писатель-пацифист Г. Гессе, поселившись в Швейцарии во время войны, так и остался там до конца своей жизни [12, р. 211].

Таким образом, в Швейцарии рождалась некая атмосфера международного пацифизма, тот особый социокультурный микроклимат, который охарактеризовал позднее Дж. Бернард Шоу, говоря о Лиге Наций, со свойственной ему иронией: «В атмосфере Женевы патриотизм погибает, – патриот выглядит там шпионом и может быть убит» [13, р. 5]. Швейцария притягивала новые движения искусства и литературы, суть которых заключалась в том, что тотальная война с ее сумасшедшей жестокостью ведет к отрицанию всех ценностей, существовавших до нее, и показывает абсурдность в жизни и искусстве.

Первая мировая война существенно повлияла на образ жизни, мировоззрение, культуру и ментальность главных европейских наций. Появилось чувство беспокойства за судьбы Европы. «В умах людей витало ощущение близкого краха, преобладали настроения упадка и пессимизма» [5, с. 6]. Н. А. Бердяев считал, что «войну можно принять лишь трагически-страдальчески», поскольку «мировая война есть заслуженное европейской культурой, нахлынувшее на нее варварство, “темная сила”, которая несет с собой человечеству глубокий духовный кризис» [2, с. 150, 183].

Возможно, англосаксонское восприятие войны и вызванного ею кризиса культуры отличалось от славянского и германского. По крайней мере, американский исследователь П. Фусселл отмечал, что отношение англоязычной художественной литературы к войне во все времена было связано с иронией потому, что война оказывалась намного хуже в действительности, чем этого ожидали люди. «Великая война 1914–1918 гг. была наполнена иронией более, чем любая другая», – писал П. Фусселл. Миллионы людей погибли из-за того, что два человека были убиты в Сараево. Первая мировая война разрушила миф об идее прогресса европейской цивилизации, просуществовавший более ста лет [11, р. 8]. Теории о том, что европейская цивилизация – это своеобразный маяк для остальных народов на

пути к прогрессу, казалось, не выдержали испытания временем.

Не случайно во время и после войны появляется литература с новыми необычными героями, которые испытывают психологический дискомфорт, и вообще – читатель находил этих людей удивительно похожими на своего соседа, к которому были причины испытывать жалость. Эти герои далеки от романтических и возвышенных образов XIX в. Новые образы жили прежде всего в романах М. Пруста, Дж. Джойса, В. Вулф, У. Фолкнера, Э. М. Ремарка. М. Пруст, поддержанный В. Вулфом и У. Фолкнером, создал новое направление в литературе – «роман потока сознания», который, как сначала показалось, должен был вообще разрушить традиционную литературу.

Настроение упадка и пессимизма, «заката Европы», стало модным в 1920-е гг. с легкой руки О. Шпенглера. «Было бы, наверное, любопытно представить, – писал, в связи с этим, Й. Хейзинга, – в виде кривой то ускорение, с которым во всем мире исчезло из речевого обихода слово “прогресс”» [7, с. 247]. Это, несомненно, было последствием мировой войны. Вместе с тем многие философы, историки и публицисты, стремясь преодолеть пессимизм, начали говорить о мире как едином целом, о взаимозависимости наций, населяющих его. А. Тойнби прямо связывал эту тенденцию с мировой войной 1914–1918 гг. Он подчеркивал, что «все государства в равной степени начинают сознавать, что не могут самостоятельно выжить экономически, и либо резко протестуют против военной, финансовой, тарифной, миграционной политики, либо обращаются за помощью к техническим международным организациям, которые были созданы вокруг секретариата Лиги Наций и Международного бюро труда в Женеве» [6, с. 20].

Н. А. Бердяев отмечал в 1918 г., что, с одной стороны, мировая война заставляет очнуться и «понуждает к расширению кругозора», когда обнаружилась несостоятельность таких утопий, как вечный мир; с другой стороны, «перед XX веком мировая война поставила задачу выхода культуры из Европы в мировые пространства всей поверхности земного шара». «Через ужасы войны и зло колониальной политики, через борьбу рас и национальностей совершается объединение человечества и цивилизация всего земного шара», – делает вывод Н. А. Бердяев [2, с. 124].

Итак, европейские интеллектуалы повторяли примерно одни и те же мысли о возросшей в ходе войны взаимозависимости экономической и

культурной жизни наций мира, тяжести последствий при потерях культуры и цивилизации. От этого восприятия был один шаг до осознания идеи создания постоянной универсальной международной организации: Лиги Наций.

Таким образом, Первая мировая война вызвала глубокие экономические и социальные потрясения как в странах, непосредственно участвовавших в военных событиях, так и в тех государствах, которые не были в них вовлечены. Война изменила облик культуры и цивилизации, вызвала к жизни совершенно новое пацифистское движение, активно лоббировавшее новейшие политические цели, укрепила в сознании общечеловеческой идеи взаимозависимости стран мира и необходимости построить послевоенный мировой порядок на новых принципах. Время-пространство изменилось, наступил XX век.

Библиографический список

1. Бахтин, М. М. *Формы времени и хронотопа* в романе. Очерки по исторической поэтике [Текст] / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худож. лит., 1975. – С. 234–407.
2. Бердяев, Н. А. *Судьба России: Опыты по психологии войны и национальности* [Текст] / Н. А. Бердяев // Репринт. воспр. изд. 1918 года. – М.: Философское общество СССР, 1990. – 240 с.
3. Гуревич, А. Я. *Категории средневековой культуры* [Текст] / А. Я. Гуревич. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1984. – 350 с.
4. Гуревич, А. Я. *Средневековый мир: Культура безмолвствующего большинства* [Текст] / А. Я. Гуревич. – М.: Искусство, 1990. – 396 с.
5. *Европа между миром и войной* [Текст]. – М.: Наука, 1992. – 224 с.
6. Тойнби, А. Дж. *Постижение истории* [Текст] : пер с англ. / А. Дж. Тойнби. – М.: Прогресс, 1991. – 736 с.
7. Хейзинга, Й. *Homo ludens. В тени завтрашнего дня* [Текст] / Й. Хейзинга ; пер. с нидерл. – М.: Прогресс, 1992. – 464 с.
8. Ходнев, А. С. *Проблемы создания Лиги Наций: взгляд из Лондона* [Текст] / А. С. Ходнев // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – № 4. – Том I (Гуманитарные науки). – С. 84–87.
9. Aldcroft D. H. *The European Economy 1914–1990* [Text]. – L.: Routledge, 1994. – 312 p.
10. Ceadel M. *Pacifism in Britain 1914–1945: The Defining of a Faith* (Oxford Historical Monographs) [Text]. – London and New York: Oxford University Press, 1980. – 342 p.
11. Fussel P. *The Great War and Modern Memory* [Text]. – N. Y.: Oxford University Press, 1977. – 363 p.
12. Joll J. *Europe Since 1870: An International History* [Text]. – L.: Penguin Books, 1990. – 550 p.
13. Show G. B. *The League of Nations* [Text] // Fabian Tract. No 226. – L., 1929. – 11 p.
14. *Twentieth Century Britain: Economic, Social and Cultural Change* [Text]. – L.: Longman Group, 1994. – 514 p.

Библиографический список

1. Bakhtin, M. M. *Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoy poehtike* [Tekst] / M. M. Bakhtin // Bakhtin M. M. Voprosy literatury i ehstetiki. – M.: KHudozh. lit., 1975. – S. 234–407.
2. Berdyayev, N. A. *Sud'ba Rossii: Opyty po psikhologii vojny i natsional'nosti* [Tekst] / N. A. Berdyayev // Reprint. vospr. izd. 1918 goda. – M.: Filosofskoe obshhestvo SSSR, 1990. – 240 c.
3. Gurevich, A. YA. *Kategorii srednevekovoj kul'tury* [Tekst] / A. YA. Gurevich. – 2-e izd. – M.: Iskusstvo, 1984. – 350 s.
4. Gurevich, A. YA. *Srednevekovyj mir: Kul'tura bezmolvstvuyushhego bol'shinstva* [Tekst] / A. YA. Gurevich. – M.: Iskusstvo, 1990. – 396 s.
5. *Evropa mezhdum mirom i vojnoj* [Tekst]. – M.: Nauka, 1992. – 224 s.
6. Tojnbi, A. Dzh. *Postizhenie istorii* [Tekst] : per s angl. / A. Dzh. Tojnbi. – M.: Progress, 1991. – 736 s.
7. KHejzinga, J. *Homo ludens. V teni zavtrashnego dnya* [Tekst] / J. KHejzinga ; per. s niderl. – M.: Progress, 1992. – 464 c.
8. KHodnev, A. S. *Problemy sozdaniya Ligi Natsij: vzglyad iz Londona* [Tekst] / A. S. KHodnev // YArslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2012. – № 4. – Tom I (Gumanitarnye nauki). – S. 84–87.
9. Aldcroft D. H. *The European Economy 1914–1990* [Text]. – L.: Routledge, 1994. – 312 p.
10. Ceadel M. *Pacifism in Britain 1914–1945: The Defining of a Faith* (Oxford Historical Monographs) [Text]. – London and New York: Oxford University Press, 1980. – 342 p.
11. Fussel P. *The Great War and Modern Memory* [Text]. – N. Y.: Oxford University Press, 1977. – 363 p.
12. Joll J. *Europe Since 1870: An International History* [Text]. – L.: Penguin Books, 1990. – 550 p.
13. Show G. B. *The League of Nations* [Text] // Fabian Tract. No 226. – L., 1929. – 11 p.
14. *Twentieth Century Britain: Economic, Social and Cultural Change* [Text]. – L.: Longman Group, 1994. – 514 p.